

Отзыв на автореферат диссертации

Егоровой Светланы Олеговны

**«Эволюция эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук по специальности 10.01.01 – русская литература**

Диссертационное исследование С.О. Егоровой представляет собой комплексное исследование, интегрирующее мифопоэтическое раскодирование произведения с его структурно-типологической идентификацией, феноменолого-герменевтический подход с интертекстуальной интерпретацией произведения. Однако **методологической основой** исследования выступают фундаментальные академические методы литературоведческих исследований: историко-литературный и сравнительно-исторический метод, локально примененный к анализу эволюции эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя (от циклов ранних повестей до поздних эпических («Мертвые души») и публицистических произведений («Выбранные места из переписки с друзьями», статья «Петербургские записки 1836 года»)). Строгое следование принципу историзма сообщило исследованию методологическую и логическую целостность и обеспечило достоверность выводов диссертанта (на с. 4 автореферата соискатель указывает на социальную детерминированность эсхатологических настроений в Европе крушением незыблемости монархии после Великой французской революции, а изменение представления писателя о причинах и способах преодоления социальной и нравственной катастрофы диссертант соотносит с этапами творческой эволюции писателя).

Актуальность предпринятого диссертационного исследования не подлежит сомнению и обусловлена, во-первых, доказательством синтеза в творчестве Гоголя фольклорно-мифологических и литературно-художественных (украинское барокко (с.5), барочная украинская школьная драма(с.8), «Божественная Комедия» Данте (с.21), собственная художественная философия Н.В. Гоголя) эсхатологических концепций, во-вторых, оригинальной идеей о синтезе народной смеховой культуры и петербургского эсхатологического мифа в поздних произведениях Гоголя, в-третьих, анализом трансформации эсхатологических образов в позднем творчестве Гоголя: перерождением петербургского имперского мифа из эсхатологического в космогонический, выступающий гарантом предотвращения эсхатологической катастрофы.

В трех главах диссертации соискатель прослеживает трансформацию эсхатологического мифа, сосредоточив внимание не на констатации его признаков и параметров, а на поиске причин надвигающейся катастрофы и способов ее предотвращения, следуя, таким образом, путем автора, поскольку Гоголь, видя признаки наступления конца света, стремился найти в российской действительности и в душе русского человека способы его преодоления, те активные нравственные, религиозные и государственные нормы, заповеди и структуры, которые могли бы противостоять грядущему Апокалипсису и не дали бы ему разразиться. Опираясь на структурно-семантический принцип

«проведения единого через разное», соискатель показывает, как меняется содержание категории «конец света» в творчестве Н.В. Гоголя.

В первой главе диссертации показано, что в циклах ранних повестей («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») Гоголь ищет пути возрождения народной демократической утопии вольной казачьей республики («Тарас Бульба») или следования патриархальному способу устройства жизни («Старосветские помещики»), чтобы противостоять эсхатологической развязке, вестниками которой выступают хтонические образы из народной демонологии («Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством», «Пропавшая грамота», «Вий») и христианской мифологии («Страшная месть»).

Во второй главе диссертации соискатель показывает, как мифологема эсхатологии наполняется новым содержанием, обращаясь к анализу «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя и показывая, что эсхатологически маркированным выступает миражная действительность Петербурга, как города чуждого России и душе русского человека: соискатель указывает на идентичность образов потустороннего мира в «Вечерах...» и антимира Петербурга, обращая внимание на чудовищную высоту зданий, образы дорог, словно ведущих в иной мир (с.13). Последовательно от повести к повести («Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего», «Невский проспект», «Портрет») анализируя образы, выступающие манифестацией Петербурга как химерического, враждебного человеку антимира, соискатель показывает, что герои повестей выступают частью этого мира, принимают фантомы жизни за жизнь («Нос»), не различают истинной и ложной красоты («Невский проспект», «Портрет»), дают себе уничижительную оценку («Записки сумасшедшего», «Шинель»). Особенно интересны рассуждения соискателя о той ужасной оценке, которую дает сам себе Поприщин, воображая диалог собачек (с.16), и о расправе Петербурга над Башмачкиным – своим преданным и верным слугой (с. 17). Вместе с тем, опираясь на эволюцию историософских и эстетических взглядов Гоголя, соискатель в параграфе 2.7. показывает, как антитеза Петербург-Россия снимается в поздних произведениях Гоголя («Развязка Ревизора»), в силу изменений взглядов Гоголя на природу власти, как сакрального явления, и назначения государственных институтов как проводников сакральной воли (с.19). Эти наблюдения соискатель развивает в третьей главе диссертации, посвященной анализу трансформации эсхатологических настроений и полного изменения концепции эсхатологизма в поэме «Мертвые души» и «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Новизна диссертационного исследования выступает продолжением его актуальности и состоит в применении структурно-типологического подхода через вариантно-инвариантный анализ к идентификации содержания мифологема «эсхатология» в творчестве Н.В. Гоголя. Мифологеме «эсхатология» соискатель рассматривает как центральную тему в творчестве Гоголя, как одну из магистральных идей его мировоззрения. Именно поэтому, показывая эволюцию мифологема эсхатология в аспекте творческой эволюции Гоголя, соискатель тем самым демонстрирует, какие кардинальные изменения произошли в системе гражданско-политических убеждений писателя.

Теоретическая значимость исследования определяется заложенной в нем возможностью получить целостный художественно-мировоззренческий концепт эволюции писателя через актуализацию одной художественно-философской категории, в данном случае мифологемы «эсхатология».

Практическая значимость исследования состоит в возможности адаптации его содержания к базовым историко-литературным дисциплинам, изучаемым в вузе и в школе, а также к курсам по выбору; перспективной выглядит возможность междисциплинарного применения выводов соискателя в процессе изучения культурологических и философских дисциплин.

Несмотря на бесспорные достоинства представленной в автореферате диссертации, некоторые положения соискателя вызывают вопросы:

1. Эсхатология (и это нашло отражение в автореферате на с.4) составляет диалектическое единство с космогонией, именно поэтому бытие мира в мифе от начала к концу мыслится как часть бесконечного цикла в соответствии с мифологической концепцией циклического времени: рождение мира уже несет в себе причины его гибели, гибель мира, вызванная его удалением от космогонического акта творения, в аспекте которого любое изменение интерпретируется, как порча, приводит к его новому рождению. Частная человеческая судьба – отражение космогонического цикла в мифологическом времени «вечного возвращения» (М. Элиаде). Именно в силу этих обстоятельств вызывает сожаление, что в работе мало акцентируются космогонические силы, первоначально соотносимые у Гоголя с «золотым веком», отнесенные в прошлое, потом трансформированные в религию и империю. Кроме того, эта диалектичность присутствует в диссертации: именно так интерпретируется «земляной зов» в повести «Старосветские помещики»; «золотой век» порожден хтоническими началами, он возник из хаоса, аналогичного эсхатологическому состоянию мира. Акцентирование космогонических начал, как неотделимых от эсхатологических, привело бы к более полному пониманию трансформации петербургского эсхатологического антимира в космогонический спасательный порядок в поздних произведениях Гоголя, поскольку эта трансформация отвечает мифологической концепции эсхатологии и хаоса и поэтому обусловлена не только эволюцией мировоззрения Гоголя.

2. Справедливо отмечая типологическое сходство в замысле поэмы «Мертвые души» и тремя кантиками «Божественной Комедии» Данте, соискатель допускает некоторые неточности в идентификации кругов дантовского Ада относительно положения гоголевских помещиков: преддверию Ада, где пребывают ничтожные, соответствуют первые городские эпизоды поэмы Гоголя; дом Манилова, который пребывает с супругой в состоянии влюбленности, стоит на возвышении, «открытом всем ветрам», а во 2-ом кругу Ада пребывают влюбленные, не сумевшие обуздать свою страсть и теперь кружащиеся в жестоком вихре; далее Чичиков, спасаясь от начинающегося ливня, после падения в грязь, попадает к Коробочке, которая обильно потчует героя – в 3-ем кругу Ада под дождем и градом, погруженные в грязь Стигийского болота томятся чревоугодники; в 4-ом кругу Ада

